

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 200

27 июля 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием представителя адвоката Г. – адвоката Г.С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение № ..., выданное Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, ордер от 20 июня 2023 года № ...) в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 27 апреля 2023 года (вх. № ... от 02.05.2023) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 21 июня 2023 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами), исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в оказании ему в период времени с 20.00 час. 05 июля 2021 года и, по крайней мере, по 05 августа 2021 года включительно юридической помощи по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следователей СО ОМВД России по району Л. города Москвы, в отсутствие установленных

законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме);

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе М. от 27 апреля 2023 года (вх. № ... от 02.05.2023), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель М., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, ходатайств не заявлял, участие своего представителя не обеспечил.

Адвокат Г., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, уведомив о невозможности личного участия в связи с нахождением в г. В. для участия в судебном заседании П. краевого суда (вх. № ... от 26.07.2023). Одновременно с этим адвокат Г. обеспечил участие в дисциплинарном производстве своего представителя – адвоката Г.С., которая подала в Совет письменное заявление от 25 июля 2023 года, в котором, выражая согласие с заключением Квалификационной комиссии, указала, что адвокат Г. действовал в интересах М., хотя и в отсутствие письменного соглашения, но на основании устной договоренности с лицами, обратившимися за его защитой (вх. № ... от 25.07.2023).

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя М. и адвоката Г., поскольку ранее они представляли доказательства, своевременно получили заключение Квалификационной комиссии, ознакомились с ним, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Представитель адвоката Г. – адвокат Г. в заседании Совета сообщила, что они получили заключение Квалификационной комиссии, ознакомились с ним, с выводами согласны. Поддержала доводы своего письменного заявления. Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно сообщила, что, по сути, соглашение об оказании юридической помощи было заключено, поскольку стороны достигли соглашения по всем его существенным условиям. В качестве противоположной стороны соглашения об оказании юридической помощи выступал П. Существенными условиями соглашения об оказании юридической помощи, по которым была достигнута договоренность, являлись: предмет соглашения – оказание юридической помощи М. на стадии предварительного расследования, вознаграждение адвоката за оказание юридической помощи – 800.000 рублей и порядок его выплаты (сначала оплачивается 250 000 рублей, а оставшаяся сумма уплачивается в позднее по согласованию сторон). Соглашение по указанным существенным условиям было достигнуто в устной форме. М. знал об

условиях соглашения и о том, что оно достигнуто с П., а первую часть вознаграждения в размере 250 000 рублей оплатила его знакомая – В. Каких-либо возражений относительно указанных выше условий соглашения М. на момент оказания ему юридической помощи не высказывал. Адвокат Г. подготовил соглашение об оказании юридической помощи и представил его П. для подписания. Последний отказался его подписывать, ссылаясь на то, что оплату произвела В. В свою очередь, В. также отказалась подписывать соглашение об оказании юридической помощи, а впоследствии связь с ней была утеряна. Учитывая, что адвокат Г. попал в сложную ситуацию в связи с отказом П. и В. от подписания соглашения об оказании юридической помощи М., а также отсутствие каких-либо негативных последствий для М., просит прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием ему на допущенное нарушение.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет признает, что Квалификационная комиссия правильно и полно установила фактические обстоятельства, но с ее выводами соглашается частично, исходя из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 05 июля 2021 года СО Отдела МВД России по району Л. города Москвы возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.1 УК РФ, в отношении неустановленных лиц.

05 июля 2021 года с 18.35 час. до 19.05 час. принудительно доставленный в СО Отдела МВД России по району Л. города Москвы М. был допрошен по уголовному делу № ... в качестве свидетеля с участием адвоката Г., представившего ордер от 05 июля 2021 года № ... на «осуществление защиты прав и интересов М. при производстве разбирательства по уголовному делу в Отделе МВД России по р-ну Л. города Москвы» с 05 июля 2021 года, оформленный на основании соглашения от 05 июля 2021 года № ...

05 июля 2021 года в 20.00 час. следователем СО Отдела МВД России по району Л. города Москвы К. с участием защитника – адвоката Г. составлен протокол задержания подозреваемого М. в порядке, установленном ст. 91, 92 УПК РФ, по уголовному делу № ... В указанном протоколе было зафиксировано заявление подозреваемого М., из которого следует, что он был фактически задержан 05 июля 2021 года в 07.30 час. на улице возле дома 11 по проспекту Генерала Б. в городе И. М. области. В заявлении, занесенном в данный протокол, защитник подозреваемого М. – адвокат Г. поддержал указанную позицию своего подзащитного.

05 июля 2021 года с 20.15 час. до 21.40 час. М. с участием защитника Г. был допрошен в качестве подозреваемого по уголовному делу № ...

06 июля 2021 года с 18.50 час. до 20.00 час. произведена очная ставка между свидетелем Ку. и подозреваемым М.

06 июля 2021 года следователем П. вынесено постановление о привлечении М. в качестве обвиняемого по уголовному делу № В тот же

день в 20.15 час. М. с участием защитника – адвоката Г. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

06 июля 2021 года с 20.25 час. до 21.00 час. М. с участием защитника Г. был допрошен в качестве обвиняемого по уголовному делу № ...

07 июля 2021 года следователем П. вынесено постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении обвиняемого М. меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовному делу №

07 июля 2021 года защитник М. – адвокат Г. ознакомился с материалами, поступившими в Л. районный суд города Москвы в связи с возбуждением перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого М.

07 июля 2021 года с 17.53 час. до 19.14 час. Л. районным судом города Москвы рассмотрено и удовлетворено вышеуказанное ходатайство следователя, вынесено постановление об избрании в отношении обвиняемого М. меры пресечения в виде заключения под стражу.

08 июля 2021 года в соответствии с предоставленными адвокатом Г. платежными реквизитами на расчетный счет филиала «Адвокатская контора № ...» М. коллегии адвокатов города Москвы плательщиком В. произведена выплата вознаграждения в размере 250 000 рублей за осуществление адвокатом Г. защиты М. по уголовному делу.

12 июля 2021 года в уголовное дело № ... в качестве защитника М. вступил адвокат Д., представивший ордер от 12 июля 2021 года № ..., выданный ему на основании соглашения.

14 июля 2021 года в уголовное дело № ... в качестве защитника М. вступил адвокат Ш., представивший ордер от 14 июля 2021 года № ... выданный ему на основании соглашения.

15 июля 2021 года постановление Л. районного суда города Москвы от 07 июля 2021 года об избрании в отношении обвиняемого М. меры пресечения в виде заключения под стражу было обжаловано в апелляционном порядке защитниками М. – адвокатами Г. и Д.

28 июля 2021 года обвиняемый М. в ходе свидания с адвокатом Д. подписал составленное от его имени адвокатом Г. письменное поручение о передаче перечисляемых в нем документов и иного имущества адвокату Д. В данном поручении было указано, что «документы, личные вещи, иное имущество» были приняты адвокатом Г. по устной просьбе М. 05 июля 2021 года после задержания в Отделе МВД России по району Л. города Москвы.

30 июля 2021 года адвокат Д. принял документы и иное имущество М. от адвоката Г., о чем составил письменную расписку.

05 августа 2021 года адвокат Г. принял участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции Московского городского суда по материалу № ..., в котором были рассмотрены апелляционные жалобы адвокатов Г. и Д. на постановление Л. районного суда города Москвы об избрании в

отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу от 07 июля 2021 года.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от 05 августа 2021 года постановление суда первой инстанции оставлено без изменения, а апелляционные жалобы защитников М. – без удовлетворения.

После передачи адвокатом Г. документов и имущества М. адвокату Д. М. отказался от юридической помощи адвоката Г. Дата принятия им этого решения не установлена.

Совет отмечает, что в материалы дисциплинарного производства заявителем М. представлено его заявление от 28 июля 2021 года об отказе от юридической помощи адвоката Г. и желании, чтобы его защиту осуществляли адвокат Д. и Ш. Светокопия аналогичного заявления М., но без указания даты поступила в ответ на запрос Адвокатской палаты города Москвы из Л. районного суда города Москвы. В свою очередь, представитель адвоката Г. – Г.С. указала, что адвокат Г. узнал об отказе М. от его юридической помощи только 02 сентября 2021 года в судебном заседании Л. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания М. под стражей.

Согласно доводам заявителя М., он также устно сообщил адвокату Г. об отказе от его юридической помощи в один из дней в период с 24 июля 2021 года по 26 июля 2021 года в ходе свидания в следственном изоляторе.

Из жалобы заявителя М. следует, что он выдвигает против адвоката Г. следующие дисциплинарные обвинения:

- в осуществлении защиты М. в уголовном судопроизводстве в отсутствие предусмотренных законом оснований для ее оказания, а именно в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в письменной форме;

- в обещании доверителю М. положительного результата оказания юридической помощи;

- в неисполнении поручения М. об уведомлении о его задержании сына и «знакомых»;

- в удержании документов и имущества М. с целью понуждения его к заключению соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме и получения крупной суммы вознаграждения;

- в оказании неквалифицированной юридической помощи, что выразилось в игнорировании адвокатом Г. существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе производства по уголовному делу в отношении М., пассивном процессуальном поведении;

- в нарушении адвокатом Г. финансовой дисциплины и порядка проведения кассовых операций.

Также заявитель М. приводит довод о получении адвокатом Г. вознаграждения в размере 250 000 рублей, которое не соответствует объему оказанной юридической помощи и ее результату.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в осуществлении защиты М. в уголовном судопроизводстве в отсутствие предусмотренных законом

оснований для ее оказания, Совет отмечает, что порядок оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи доверителям раскрывается в положениях Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно п. 1 ст. 25 которого адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. В силу п. 2 ст. 25 названного Закона, соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В свою очередь, в п. 4 ст. 25 указанного Закона определены существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, а именно:

1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате;

2) предмет поручения;

3) условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

Согласно п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

Органы адвокатского самоуправления Адвокатской палаты города Москвы ранее неоднократно указывали, что *«надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью»* (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы

доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») *«распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем»* (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

Адвокат Г. представил в материалы дисциплинарного производства Соглашение об оказании юридической помощи от 05 июля 2021 года (далее – Соглашение от 05 июля 2021 года), не содержащее подписи какого-либо доверителя и подписанное только адвокатом Г. В качестве сторон данного соглашения указаны адвокат Г. и доверитель П., который, согласно п. 2 Соглашения, поручил адвокату Г. осуществить защиту прав и интересов М. и оказать юридическую помощь при производстве предварительного следствия по уголовному делу по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в следственном отделе Отдела МВД России по району Л. города Москвы.

Поскольку 05 июля 2021 года М. был допрошен с участием адвоката Г. в процессуальном статусе свидетеля, при последовавшем в тот же день составлении протокола задержания ему было сообщено, что он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.1 УК РФ, а обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, было предъявлено М. 06 июля 2021 года, Совет полагает, что Соглашение с указанным предметом поручения было подписано в одностороннем порядке адвокатом Г. и зарегистрировано в документации адвокатского образования не ранее 06 июля 2021 года.

Таким образом, на момент вступления адвоката Г. 05 июля 2021 года в уголовное дело Соглашение от 05 июля 2021 года в письменной форме не существовало даже в виде документа, подписанного лишь адвокатом Г. в одностороннем порядке.

Вместе с тем, материалами дисциплинарного производства подтверждается, что на момент начала оказания юридической помощи М. адвокат Г. достиг устного соглашения с П. относительно всех существенных условий соглашения об оказании юридической помощи, а именно: предмета соглашения и получателя юридической помощи, размера вознаграждения и порядка его оплаты. Каких-либо доказательств, опровергающих объяснения адвоката Г. в данной части, заявителем М. не представлено.

Квалификационная комиссия и Совет в своей дисциплинарной практике последовательно придерживаются позиции, согласно которой в тех случаях, когда адвокатом допущено отступление от установленного законом порядка по формализации отношений с доверителем, бремя доказывания соблюдения норм профессиональной этики лежит на адвокате, допустившем такое отступление. Совет принимает во внимание объяснения представителя адвоката Г. – адвоката Г.С. о том, что адвокат Г. после начала оказания

юридической помощи М. предлагал подписать соответствующее соглашение об оказании ему юридической помощи различным лицам, обратившимся к нему за защитой М. Однако П., а затем и В. отказали адвокату Г. в подписании данного соглашения об оказании юридической помощи. Эти пояснения также не опровергнуты.

В дисциплинарной практике Совета и Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы применяется подход, согласно которому в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения, относящиеся к вопросам формализации отношений с доверителем, адвокат в период действия соглашения об оказании юридической помощи имеет возможность устранить допущенные нарушения.

В исключительных случаях, когда нет объективной возможности заключения соглашения в простой письменной форме до вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника, и (или) в случаях, не терпящих отлагательства, правильными профессиональными действиями следует считать действия по надлежащему оформлению правоотношений между адвокатом и доверителем в кратчайшие сроки после начала оказания юридической помощи (*Багрян А.А. Заключение, изменение и расторжение соглашения на защиту по уголовному делу (практическое пособие) М.: Федеральная палата адвокатов РФ. 2023. С. 31-32*).

Однако данный подход не может рассматриваться как допускающий возможность оказания юридической помощи в отсутствие предусмотренных законом оснований, поскольку даже в случаях, объективно исключающих возможность надлежащей формализации отношений с доверителем, между адвокатом и доверителем должны быть согласованы все существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, предусмотренные п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Совет, с учетом приведенных выше фактических обстоятельств, достоверно установленных Квалификационной комиссией, не может согласиться с ее выводом о том, что «адвокатом Г. не было доказано ни наличие исключительных обстоятельств, повлекших невозможность формализации правоотношений с доверителем, ни согласование с кем-либо из доверителей всех существенных условий соглашения об оказании юридической помощи».

Описанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что на момент оплаты В. 08 июля 2021 года первой части вознаграждения адвоката Г. со ссылкой на Соглашение от 05 июля 2021 года, все существенные условия соглашения были согласованы, а его письменный текст уже был подготовлен адвокатом Г. и представлен как П., так и В.

Совет полагает, что вывод Квалификационной комиссии о том, что переговоры с П. относительно существенных условий соглашения об оказании юридической помощи «происходили, по крайней мере, спустя три дня с момента начала оказания адвокатом Г. юридической помощи доверителю М.», не основан на установленных Комиссией обстоятельствах,

согласно которым 08 июля 2021 года переговоры с П. велись лишь по вопросу о подписании Соглашения от 05 июля 2021 года, в то время как его существенные условия были уже согласованы ранее.

Квалификационной комиссией установлено, что адвокат Г. вступил в уголовное дело в качестве защитника М. 05 июля 2021 года по приглашению именно П. Как следует из объяснений представителя адвоката Г., уже на тот момент стороны согласовали все существенные условия соглашения об оказании юридической помощи. Не встречаясь с П. до 08 июля 2021 года, адвокат Г. подготовил текст Соглашения от 05 июля 2021 года и представил его на подпись, что дополнительно свидетельствует о согласовании всех существенных условий именно 05 июля 2021 года, а не 08 июля 2021 года. Совет также обращает внимание на то, что П. отказался от подписания Соглашения от 05 июля 2021 года не на основании того, что в нем неверно изложены согласованные существенные условия, а лишь на основании того, что вместо него оплату произвела В.

При таких обстоятельствах Совет признает, что изложенные в Соглашении от 05 июля 2021 года существенные условия ранее были согласованы с П. и соответствовали этим договоренностям.

Следовательно, адвокат Г. вступил в уголовное дело в качестве защитника М. после достижения в устной форме соглашения с П. о существенных условиях соглашения об оказании юридической помощи, которые он впоследствии изложил в тексте Соглашения от 05 июля 2021 года, но не смог их формализовать путем подписания Соглашения доверителем.

Заключение соглашения об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, будучи осложненным вовлечением в правоотношение двух доверителей (получателя юридической помощи и лица, заключившего и подписавшего соглашение об оказании юридической помощи), предполагает повышенные требования к соблюдению адвокатом профессиональных обязанностей по формализации отношений с ними. В соответствии с п. 1 ст. 430 ГК РФ, договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. В п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» сформулированы следующие обязательные для всех адвокатов города Москвы разъяснения: «По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает,

что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России «ФСИН-ПИСЬМО» <www.fsin-rismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту» (Разъяснения утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8) // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) 2019. С. 127-129).

При заключении соглашения об оказании юридической помощи в пользу третьего лица первостепенное значение приобретает как согласование всех его существенных условий с доверителем, заключающим и подписывающим соглашение, так и доведение этих существенных условий до сведения доверителя, являющегося получателем юридической помощи, поскольку, не будучи осведомленным об условиях заключенного в его пользу соглашения об оказании юридической помощи, получатель этой помощи лишен возможности сформировать конкретизированное волеизъявление на получение юридической помощи на основании такого соглашения.

Совет признает, что подписанное не ранее 06 июля 2021 года адвокатом Г. в одностороннем порядке Соглашение от 05 июля 2021 года об оказании юридической помощи содержало четкие условия выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь. Так, пункт 8.2 Соглашения от 05 июля 2021 года предусматривает, что денежные средства в размере 550 000 рублей перечисляются доверителем на расчетный счет филиала «Адвокатская контора № ...» М. коллегии адвокатов города Москвы «в согласованном между Сторонами порядке, в том числе, в согласованный Сторонами срок». Несмотря на отсутствие конкретизации указанного срока, данный пункт содержит размер и условие выплаты второй части вознаграждения, при этом условия и сроки выплаты первой части гонорара также не вызывают какого-либо неоднозначного толкования. При таком описании порядка выплаты вознаграждения стороны не лишены возможности его конкретизации и дополнения, а доверитель во всех случаях не лишен возможности оплаты вознаграждения в разумный срок в течение

срока действия соглашения. Иными словами, условия Соглашения от 05 июля 2021 года позволяли оставить срок выплаты второй части вознаграждения для дальнейшего согласования сторонам.

В свою очередь, не заполненная доверителем П. расписка об ознакомлении с «Прейскурантом стоимости правовой помощи адвокатов М. коллегии адвокатов города Москвы», вопреки мнению Квалификационной комиссии, не содержит никаких существенных условий Соглашения от 05 июля 2021 года.

Совет отмечает, что, приступая к оказанию юридической помощи в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме, даже в тех случаях, когда исключительные обстоятельства объективно препятствуют исполнению данного требования закона, адвокат принимает на себя и риск последующего уклонения доверителя от формализации отношений с ним, равно как и выдвижения против него соответствующих дисциплинарных обвинений.

В данном случае адвокатом Г. были представлены не опровергнутые заявителем доказательства того, что П., В. и М. последовательно отказались от подписания подготовленного им (адвокатом Г.) Соглашения от 05 июля 2021 года. При этом причина такого отказа не связана с содержанием Соглашения, в том числе, с какими-либо предусмотренными им существенными условиями.

При таких обстоятельствах Совет признает необоснованным и не соответствующим установленным Квалификационной комиссией обстоятельствам ее вывод о том, что адвокат Г. с 05 июля 2021 года и, по крайней мере, до 05 августа 2021 года включительно оказывал юридическую помощь доверителю М. в отсутствие законного основания в виде соглашения об оказании юридической помощи, заключенного хотя бы в устной форме.

Вопреки указанному выводу, Совет признает, что адвокат Г. с 05 июля 2021 года оказывал юридическую помощь доверителю М. на основании соглашения об оказании юридической помощи с П., заключенного в нарушение п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката в устной форме.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в оказании ему с 05 июля 2021 года юридической помощи по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следователей СО ОМВД России по району Л. города Москвы, на основании соглашения об оказании юридической помощи от 05 июля 2021 года, заключенного с П. в устной форме.

При этом Совет констатирует, что на момент рассмотрения настоящего дисциплинарного производства в заседании Совета двухлетний срок

применения к адвокату Г. мер дисциплинарной ответственности, предусмотренный абз. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, не истек, поскольку из материалов дисциплинарного производства следует, что юридическую помощь М. в отсутствие заключенного в письменной форме соглашения об оказании юридической помощи от 05 июля 2021 года адвокат Г. оказывал, по крайней мере, до 05 августа 2021 года включительно.

Дисциплинарное обвинение в обещании адвокатом Г. положительного результата оказания юридической помощи заявителем М. какими-либо доказательствами не подтверждено. Учитывая, что представитель адвоката Г. – адвокат Г.С., давая объяснения в заседании Комиссии 21 июня 2023 года, дисциплинарные обвинения не признала, настаивая на отсутствии в действиях адвоката Г. каких-либо нарушений норм профессиональной этики, а также в силу применимой при рассмотрении настоящего дисциплинарного производства презумпции добросовестности адвоката, Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в соответствующей части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К аналогичному выводу Совет приходит и в части дисциплинарного обвинения в неисполнении адвокатом Г. поручения об уведомлении о задержании М. его знакомых и сына. Совет отмечает, что процессуальная обязанность по уведомлению о задержании подозреваемого положениями ст. 96 УПК РФ на защитника не возложена. Кроме того, материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств наличия по состоянию на 05 июля 2021 года каких-либо требований М. об уведомлении каких-либо конкретных указанных им лиц. При этом из объяснений адвоката Г. следует, что М. поручил ему «позвонить по телефону» его знакомой – Ва., что адвокат Г. и сделал. Согласно этим же объяснениям адвоката Г., других знакомых М. не упоминал, а также пояснил, что не считает уместным обращение к сыну ввиду того, что они находились в ссоре. Указанные письменные объяснения адвоката Г. не опровергнуты. Вместе с тем, из протокола задержания подозреваемого М. от 05 июля 2021 года следует, что он отказался от уведомления о своем задержании каких-либо лиц, что подтверждено подписями как подозреваемого М., так и его защитника – адвоката Г. При таких обстоятельствах Совет не усматривает в действиях (бездействии) адвоката Г. в указанной части дисциплинарного проступка.

Не нашло своего подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства и дисциплинарное обвинение в удержании адвокатом Г. документов и имущества М. с целью понуждения его к заключению соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме и получения крупной суммы вознаграждения. Хотя заявителем М. было доказано оказание адвокатом Г. юридической помощи в отсутствие заключенного соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме, Совет не усматривает оснований для вывода о том, что исполнение

поручения обвиняемого М. от 28 июля 2021 года о передаче адвокатом Г. адвокату Д. документов и иного имущества, ранее полученных адвокатом Г. от М. по устной просьбе последнего, было поставлено адвокатом Г. в зависимость от выплаты ему дополнительного вознаграждения, равно как и от заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи. Какие-либо доказательства таких требований или условий со стороны адвоката Г. в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. На необоснованность рассматриваемого дисциплинарного обвинения также указывают факты исполнения адвокатом Г. поручения доверителя М. о передаче документов и имущества от 28 июля 2021 года уже 30 июля 2021 года, несмотря на отказ последнего от подписания соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом Г. Заявитель М. каких-либо претензий к адвокату Г. по поводу удержания им документов и имущества вплоть до 27 апреля 2023 года не предъявлял.

Совет учитывает и пояснения самого заявителя М. о том, что вышеуказанное поручение от 28 июля 2021 года было подписано им в ходе свидания с защитником по соглашению – адвокатом Д. Это обстоятельство, по мнению Совета, исключает саму возможность оказания на М. давления со стороны адвоката Г. с целью добиться каких-либо действий, не соответствующих волеизъявлению М.

Не рассматривается как дисциплинарный проступок и требование адвоката Г. об оформлении М. именно письменного поручения о передаче документов и иного имущества. В условиях отсутствия заключенного соглашения об оказании юридической помощи формализация отношений адвоката Г. с доверителем М. хотя бы в этой части была необходима, поскольку неопределенность, возникшая в отношениях адвоката и доверителя, способствовала кризису доверия, создающему почву для предъявления к нему претензий. По этой причине письменное оформление как поручения о передаче документов и имущества М. от 28 июля 2021 года, так и расписки адвоката Д. от 30 июля 2021 года было разумной и добросовестной мерой, принятие которой позволило адвокату Г. исключить основания для выдвижения против него дополнительных дисциплинарных обвинений.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката Г. нарушения норм профессиональной этики в части вышеуказанного дисциплинарного обвинения и о прекращении дисциплинарного производства в соответствующей части.

В обоснование дисциплинарного обвинения в оказании некачественной юридической помощи, выразившейся в игнорировании адвокатом Г. существенных нарушений уголовно-процессуального закона и пассивном процессуальном поведении, заявителем приводятся доводы о том, что адвокат Г. не отреагировал на:

фактическое задержание М. неуполномоченными лицами;

сокрытие факта личного обыска обвиняемого М. без составления каких-либо процессуальных документов;

допрос М. в процессуальном статусе свидетеля в условиях его фактического задержания;

составление протокола задержания подозреваемого М. спустя 12 часов после его фактического задержания;

проведение очной ставки в отсутствие предусмотренных ст. 192 УПК РФ правовых оснований для ее проведения;

истечение 48-часового срока с момента задержания М.;

отсутствие в судебном материале № ..., рассмотренном Л. районным судом города Москвы, постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу.

По мнению заявителя М., адвокат Г. не «озвучил» вышеуказанные существенные нарушения уголовно-процессуального закона и не обжаловал их.

Проверив указанные доводы, Совет не усматривает в данной части нарушения адвокатом Г. общих требований пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Довод заявителя М. о бездействии адвоката Г., выразившемся в неуказании на его фактическое задержание неуполномоченными лицами в ходе рассмотрения Л. районным судом города Москвы ходатайства следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу, не свидетельствует о совершении адвокатом Г. дисциплинарного проступка. Позиция о незаконности и необоснованности фактического задержания М. в 07.30 час. в городе И. М. области была отражена в его заявлении, занесенном в протокол задержания от 05 июля 2021 года. В свою очередь, 07 июля 2021 года, адвокат Г., поддержавший указанную позицию своего подзащитного, со ссылками на время задержания (08.00 час.), указанное в рапортах сотрудников правоохранительных органов, ходатайствовал перед Л. районным судом города Москвы об освобождении М. в связи с истечением 48-часового срока задержания подозреваемого, предусмотренного ч. 2 ст. 94 УПК РФ, что подтверждается протоколом судебного заседания. Исходя из позиции, сформулированной в данном ходатайстве, М. подлежал немедленному освобождению вне зависимости от предполагаемого факта его задержания неуполномоченными лицами в городе И. М. области. Однако, оставляя указанное ходатайство адвоката Г. без удовлетворения, суд указал, что М. был задержан 05 июля 2021 года в 20.00 час., как было указано в протоколе задержания М. следователем К.

В связи с дисциплинарным обвинением в сокрытии факта личного обыска М. Совет отмечает, что из материалов дисциплинарного производства не следует, что личный обыск подозреваемого М. производился с участием адвоката Г., равно как и то, что М. доводил до сведения адвоката Г. информацию о проведении его личного обыска без участия защитника. При этом в протоколе задержания подозреваемого М. от 05 июля 2021 года

указано, что его личный обыск не производился, и это обстоятельство удостоверено подписями М. и его защитника – адвоката Г. Совет не исключает, что после фактического задержания М. правоохранительные органы получили доступ к его мобильному телефону, поскольку в протоколе допроса М. в качестве свидетеля зафиксированы его показания о том, что «в период времени с 16.30 час. по 18.30 час. 05 июля 2021 года» его мобильный телефон находился «не рядом с ним», и он считает, что он «вскрывался». Также в заявлении подозреваемого М. по существу его задержания, занесенном в протокол задержания подозреваемого от 05 июля 2021 года, отражено, что М. «не имел возможности пользоваться мобильным телефоном». Эти заявления не исключали возможность отстаивания в дальнейшем позиции М. о не оформленном процессуально личном обыске.

Участие адвоката Г. в допросе М. в качестве свидетеля после фактического начала осуществления в отношении него обвинительной деятельности не только не свидетельствует о дисциплинарном проступке, но и подтверждает надлежащее оказание адвокатом Г. юридической помощи своему доверителю, поскольку намерение следователя осуществлять его дальнейшее уголовное преследование было на момент этого допроса неочевидным, однако такая реальная угроза существовала. В ходе своего допроса в качестве свидетеля М. активно пользовался правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации, а также указал, что «находился у оперативных сотрудников», в связи с чем Совет считает, что участие в указанном допросе адвоката Г. не могло как-либо ухудшить положение М. Предъявление же адвокатом Г. требования к следователю о составлении протокола задержания подозреваемого М., вопреки мнению последнего, не только не могло явно улучшить его положение, но и порождало риск последующего предъявления к адвокату претензий со стороны доверителя в фактическом инициировании его уголовного преследования. Проявление подобной процессуальной активности со стороны адвоката Г. могло быть допустимым лишь в условиях прямого волеизъявления доверителя, наличие которое последним не доказано. В то же время, отражение в протоколе задержания от 05 июля 2021 года заявления М., содержащего указание на время и место его фактического задержания, а также на его незаконность, не лишало М. и его защитников возможности в дальнейшем приводить доводы о существенном нарушении уголовно-процессуального закона.

Согласно пп. «г» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года), в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить обстоятельства задержания (Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140-142). Обстоятельства задержания М., включая время и место фактического задержания, были описаны в заявлении последнего, занесенном в протокол его задержания от 05 июля 2021 года. Указанное заявление, поддержанное адвокатом Г., являлось допустимым и достаточным

совместным реагированием подозреваемого и его защитника на несовпадение времени фактического задержания подозреваемого М. со временем задержания, указанным следователем в протоколе задержания, поскольку оно позволило зафиксировать допущенное нарушение. В связи с этим Совет признает вышеуказанные требования Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве исполненными адвокатом Г. надлежащим образом.

Рассматривая довод заявителя о проведении с его участием очной ставки в отсутствие предусмотренных ст. 192 УПК РФ правовых оснований, Совет отмечает, что принятие решения о производстве очной ставки находится в компетенции следователя. При этом ее проведение в отсутствие правовых оснований может быть установлено с учетом содержания материалов уголовного дела, в связи с чем не всегда требует незамедлительного процессуального реагирования. Из жалобы заявителя М. следует, что в ходе указанного следственного действия он воспользовался правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации. Конкретных доводов о том, каким образом поведение адвоката Г. в ходе производства данного следственного действия ухудшило положение М., последним не приводится. Заявитель М. в своей жалобе указал на отсутствие существенных противоречий в показаниях участников очной ставки, а также на то, что в ходе очной ставки свидетель Ку. лишь «повторил ранее данные им показания».

Совет отмечает, что в ходе своего допроса в качестве подозреваемого 05 июля 2021 года М. дал показания, в том числе о том, что не знаком с Ку. При этом из протокола очной ставки от 06 июля 2021 года, произведенной между подозреваемым М. и свидетелем Ку., усматривается, что следователь задал свидетелю Ку., в том числе и вопрос о том, может ли он утверждать, что клиентом, приходившим в банк, являлся «сидящий напротив» него М. Совет не исключает, что при таких обстоятельствах защитником М. могла быть сформулирована позиция о подмене данным следственным действием в соответствующей части предъявления для опознания в условиях отсутствия иных существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Тем не менее, Совет не считает, что процессуальное поведение адвоката Г. в ходе очной ставки лишило М. и его защитников возможности отстаивать указанную позицию в дальнейшем.

Совет разъясняет заявителю М., что, по общему правилу, органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения тактики защиты (работы по делу), избираемой адвокатом, который по своему статусу, закрепленному законодательно, является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Действуя в этом качестве, адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи.

Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства. Самостоятельное и независимое толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Вопрос о том, когда и каким именно образом адвокат Г. должен был отреагировать на предполагаемые нарушения следователем уголовно-процессуального закона, является вопросом тактического характера. Учитывая же, что от юридической помощи адвоката Г. доверитель М. отказался, Совет не усматривает дисциплинарного проступка в том, что он не отреагировал на данное процессуальное нарушение до момента прекращения ее оказания.

Как указано выше, на истечение 48-часового срока задержания подозреваемого М. адвокат Г. отреагировал должным образом, заявив в ходе судебного заседания Л. районного суда города Москвы мотивированное ходатайство об освобождении своего подзащитного. Данное обстоятельство подтверждается протоколом судебного заседания. Из этого же протокола следует, что в ходе указанного судебного заседания было оглашено постановление следователя П. о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу от 07 июля 2021 года. Из описи судебного материала № ..., поступившей из Л. районного суда города Москвы в ответ на запрос Адвокатской палаты города Москвы, следует, что указанное постановление находится на л.д. 62-64 судебного материала. Таким образом, презумпция добросовестности адвоката Г. в части довода заявителя М. о его нереагировании на якобы отсутствие вышеуказанного постановления в судебном материале № ... не опровергнута.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Г. подал апелляционную жалобу на постановление Л. районного суда города Москвы от 07 июля 2021 года об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также принял участие в судебном заседании Московского городского суда по ее рассмотрению 05 августа 2021 года. Конкретное содержание доводов поданной адвокатом Г. апелляционной жалобы относится к вопросам тактического характера. Признаков, указывающих на некачественное оказание адвокатом Г. юридической помощи, из содержания данной жалобы Совет не усматривает.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу о прекращении настоящего дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в оказании адвокатом Г. некачественной юридической помощи вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Довод заявителя о несоблюдении адвокатом Г. финансовой дисциплины и порядка проведения кассовых операций в ходе настоящего

дисциплинарного производства опровергнут платежным поручением от 08 июля 2021 года № ..., из которого следует, что вознаграждение в размере 250 000 рублей перечислено на расчетный счет филиала «Адвокатская контора № ...» М. коллегии адвокатов города Москвы. Поскольку вознаграждение было получено адвокатом Г. на расчетный счет адвокатского образования в безналичной форме, указанный в платежном поручении плательщик (В.) не была лишена возможности подтвердить проведение соответствующей финансовой операции. При этом, заявитель М. в заседании Квалификационной комиссии подтвердил, что с учетом предоставленного адвокатом Г. финансового документа нарушений финансовой дисциплины он более не усматривает. Таким образом, и в указанной части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая довод жалобы о получении адвокатом Г. вознаграждения в размере 250 000 рублей, не соответствующего объему оказанной юридической помощи и ее результату, Совет разъясняет заявителю М., что споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, поскольку находятся за пределами их компетенции. Все спорные вопросы между адвокатом и доверителем относительно размера гонорара разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенный им дисциплинарный проступок, Совет учитывает, что адвокат Г. в ситуации, требующей немедленного прибытия к месту задержания М. и оказания ему юридической помощи, предпринял все необходимые действия по формализации отношений с доверителем П.: обсудил и согласовал с ним все существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, в кратчайшее время подготовил в письменной форме соглашение об оказании юридической помощи от 05 июля 2021 года, представив его текст П. для подписания. На основании подготовленного, но не подписанного соглашения об оказании юридической помощи В. была произведена оплата вознаграждения (гонорара) в кассу адвокатского образования. В последующем адвокат Г. предпринимал попытки подписания указанного соглашения с П., В. и М., которые не привели к успеху.

При таких обстоятельствах Совет констатирует формальный характер нарушения, допущенного адвокатом Г., и признает, что в силу малозначительности оно не порочит честь и достоинство адвоката Г., не умаляет авторитет адвокатуры и не причинило какого-либо вреда доверителю или Адвокатской палате города Москвы.

Пункт 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате.

По этой причине, учитывая всю совокупность установленных обстоятельств, Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом Г. проступка.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 18, подп. 2, 7 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе М. от 27 апреля 2023 года (вх. № ... от 02.05.2023):

в части ненадлежащего, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнения им профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившегося в оказании ему в период с 20.00 час. 05 июля 2021 года и, по крайней мере, по 05 августа 2021 года включительно юридической помощи по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следователей СО ОМВД России по району Л. города Москвы, на основании соглашения об оказании юридической помощи от 05 июля 2021 года, заключенного с П. в устной форме, – вследствие малозначительности проступка. Указать адвокату Г. на допущенное нарушение;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков